

Н. Н. ЕФРЕМОВ

О ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ КОНСТРУКЦИЙ
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

(на примере одной группы конструкций атрибутивного типа)

Тюркские языки – языки постпозиционно-агглютинирующей структуры формируют элементы конструкции своей системы по схеме единой базовой атрибутивной модели, которая представляет собой прежде всего фиксированное расположение в языковых блоках их составляющих оппозиционно-бинарных компонентов, а именно схему (модель) «*определяющий-конкретный компонент + определяемый-абстрактный компонент*» («*Конкр. + Абстр.*»). Модель «*Конкр. + Абстр.*» универсалия, но в некоторых языках (например, в русском) она имеет свои особенности употребления: в зависимости от функциональной и других перспектив реализаций конструкции синтаксические позиции этой модели могут переставляться, что для тюркских (якутского) языков нехарактерно: я пришел – *пришел я, пришел вечером – вечером пришел и якут, мин кэллим – *кэллим мин* (* – нетипичная фраза), *бэбэһээ кэллим – *кэллим бэбэһээ* (* – нетипичная – инверсивная, эмфатическая фраза).

Цель настоящей статьи – показать взаимосвязи разноуровневых конструкций определенной структурной подсистемы единой базовой атрибутивной модели, а именно оперативных проявлений причастно-именной структуры.

В якутском языке, как и в других тюркских языках, активно функционируют конструкции модели «*глагольная структура-определение в форме причастной основы + именная структура (существительное) – определяемое в форме первичной именной основы*» – Т прич. + N1. Например: *иһ-эр уу* – питьевая вода, *бус-пут эт* – вареное мясо и др. (в конструкциях этих сочетаний слов элементы *-эр, -бут* – показатели причастной основы, т. е. формы определяющего – конкретного компонента единой базовой атрибутивной модели).

Относительно характера соотношения пассивных конструкций подобной модели с другими конструкциями тюркологии отмечают, что любое определительное сочетание с пассивным причастием в роли определения формально ничем не отличается от безличной определительной конструкции (Поцелуевский, с. 206).

Однако в других неформальных аспектах между пассивными и безличными конструкциями наблюдаются определенные различия. Во-первых, по частотности пассивные конструкции (глагольная основа + форма страдательного залога + показатель времени, причастия-определения) характеризуются как нетипичные для якутской речи. Это связано с тем, что в пози-

ции определения таких конструкций благодаря показателю страдательного залога может проявляться смысл логического субъекта, а в позиции определяемого – роль формального подлежащего, что реально имеет место именно в предикативной модели «*сущ. + финитная, глагольная форма*».

Ср. примеры конкретных языковых реализаций конструкций атрибутивного и предикативного типа атрибутивные: а) с формально (морфологически) безличным определением *иһэр уу* – питьевая вода; *б) со страдательным (пассивным) определением *иһиллэр уу* – вода, которую пьют, *предикативная б) *Уу иһиллэр* – Вода пьется; атрибутивные: а) *буспут эт* вареное мясо; *б) *буһар+ыккс+быт эт* мясо, которое сварили; *предикативная б) *эт буһарылыбыт* Мясо сварено. В конструкциях приведенных выше примеров позиция определения (атрибута) заполняется формами на *-ар* и *-быт*, что связано с широкими сочетаемостными и соответствующими адаптивно-абстрагирующимися свойствами данных показателей. Ср.: а) *иһэр* – пьет, пьющий (любой или кто-либо), тот, кто пьет, питьевой – структурно-семантическая конструкция с вневременным непредельным значением, функционирующая в составе атрибутивной модели "глагольная основа с семой «потребление пищи, напиток» + *-ар* + сущ. в роли объекта, пассивного субъекта с семой «пища, напиток» для обозначения функционально-целевого предназначения определяемого (ср. – *иһэр уу* – питьевая вода; *аһыыр уу* – вода для еды, питья; *сууһар уу* – вода для мытья, *туунар уу* – вода для умывания); б) *буспут* сварился (что-либо), вареный, тот, что сварился – структурно-семантическая конструкция с предельным результирующим значением, функционирующая в составе обсуждаемой модели для обозначения качества определяемого (ср. *буспут эт* – вареное мясо; *оспут баас* – зажившая рана, *оспотох баас* – незажившая рана).

Теперь переходим к рассмотрению конструкции с формой *-ых*. Настоящая форма, употребляясь в качестве определения в составе обсуждаемой модели, осложняется модальной характеристикой возможности. Ср. *иһиэх уу (баар дуо?)* (имеется ли) вода, которую можно пить? Необходимо отметить, что подобную конструкцию типичнее всего передать в форме притяжательной конструкции: *киһи иһиэх уу-та баар дуо?* имеется ли вода (водичка), которую я (букв. человек) мог бы выпить?

Интересно заметить, что в контексте приведенной вопросительной фразы существительное *киһи*-человек оперативно наполняется смыслом субъекта наблюдения, т. е. первого лица единственного числа (*киһи*-человек=мин/я).

Таким образом, как показывает анализ приведенных выше конструкций, формы *-ар, -быт* являются наиболее типичными, модально-неокрашенными компонентами обсуждаемой модели. Они используются в образовании не только синтаксических, но и лексических конструкций.

Так, модель *основа –ар + сущ.* в зависимости от характера лексико-грамматического наполнения ее состава, проявляя структурно-семантичес-

кую избыточность постпозитивного компонента – существительного, может реализовать лексические единицы, т. е. употребляться в качестве словообразовательного варианта обсуждаемой модели. Ср. *көтөр кыыл* букв. летающий зверь-птица. В настоящей реализации модели структурный компонент *кыыл* семантически избыточен. Он элиминируется, что, в свою очередь, наглядно демонстрирует функционирование элиминированной реализации варианта модели «*причастие в форме основы с лексическим наполнением көтөр*» в качестве лексемы. Последняя как элиминированная структура максимально зависит от контекстуальных условий речевой деятельности и потому на синтаксическом уровне характеризуется омоформами в виде тех или иных коммуникативных и лексических конструкций (предикативных, атрибутивных). Ср. *көтөр* птица – *Көтөр* летает-он – *көтөр самолет* самолет, который улетает – *көтөр аал* летающий летающее судно, самолет. Как видно, словоформа-причастие *көтөр* и атрибутивное словосочетание *көтөр аал* (самолет), в отличие от предикативной глагольной формы в роли сказуемого, выступающего в роли односоставного определенно-личного нераспространенного предложения (*Көтөр*), и причастной формы в роли определения, употребляются в роли лексемы со значением самолет.

Кроме того, данный контекстуально зависимый вариант модели с элиминированным постпозитивным компонентом имеет, в свою очередь, структурную словообразовательную модификацию, которая характеризуется параллелистической формой. Ср. *көтөр-сүүрэр* букв. летает-бегают/летающий-бегающий – птицы и звери (существительное с собирательным значением). В случае расщепления этой конструкции на составные компоненты обсуждаемая параллелистическая модификация, в свою очередь, преобразовалась бы в описательные структуры с формой обладания –*лаах* (-ар + *лаах*): *сүүрэр атахтаах* – имеющие бегающие ноги (звери), букв. бегающие ноги имеющие; *Көтөр кынаттаах* – имеющие летающие крылья (птицы). Следует отметить, что подобные модификации употребляются в текстах определенного функционального (например, фольклорного и художественного) стиля.

Таким образом, модель «*глагольная структура-определения + сущ. – определяемое*» – одна из структурно-семантических проявлений – вариантов единой базовой атрибутивной модели «*определяющий-конкретный компонент + определяемые-абстрактный компонент*». Она характеризуется, в свою очередь, модально-нейтральными, модальными и стилистическими вариациями, модификациями, обусловленными прежде всего формами и семантиками их составляющих. Модально-нейтральные вариации этой модели могут употребляться и сфере словообразования. Системно-структурная взаимосвязанность рассмотренных разноуровневых и разностилевых реализаций обсуждаемой модели показывает последовательную

структурную взаимосвязанность разноуровневых и разностилевых подсистем тюркских (якутского) языков.

Поцелуевский Е. А. Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации // Исследования по синтаксису тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 189–218.